

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

ВЪ I ПОЛОВИНѢ XIV ВѢКА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

П. В. ПОЛЕЖАЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Екатерининскій каналъ, 168.

1878.

W $\frac{50}{113}$

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 марта 1878 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стр.
ГЛАВА I.—Южныя славянскія общества до XIV вѣка . . .	1
ГЛАВА II.—Сѣверовосточныя волости. Москва—какъ поселеніе и столичный городъ до XIV столѣтія	10
ГЛАВА III.—Юрій Даниловичъ. Борьба съ Тверью. Великое княжество Литовское.	18
ГЛАВА IV.—Іоаннъ Даниловичъ. Его отношенія къ церкви, къ ордѣ и русскимъ князьямъ	33
ГЛАВА V.—Іоаннъ Даниловичъ. — Его смерть. — Состояніе Московскаго княжества	47
ГЛАВА VI.—Симеонъ Іоанновичъ Гордый. — Его отношенія къ церкви, къ ордѣ и къ русскимъ князьямъ сѣверовосточной группы.	62
ГЛАВА VII. — Симеонъ Іоанновичъ Гордый. Его смерть. Состояніе московскаго княжества и причины его возвышенія . . .	78
ГЛАВА VIII.—Правительственная власть	97
ГЛАВА IX.—Органы верховной власти	106
ГЛАВА X.—Контингентъ княжества	116
ГЛАВА XI.—Судъ	148

ГЛАВНѢЙШІЕ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Должно читать:
стран.		
3 въ примѣч.	Ипат. лѣт. с. Т.	Ипат. лѣт. с. 7
13 строка 21 и 22	Иорги	Гюрги
15 въ примѣч.	потребностей поселенія	отношеній поселенія.
16 строка 22	Дюделя	Дюдения
54 > 12	и эти	а эти прибавленія
55 > 4 примѣч.	но это вѣрно	но это невѣрно
94 > 23	въ разрѣшеніи	въ разрѣженіи
96 > 3	Густинской	Густинской
83 > 29	Клонскаго	Клопскаго
96 > 10	начата	начаша
108 > 22	Князь	Князь
111 > 31	тгуны	тіуны

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

въ 1-ой половинѣ XIV вѣка.

Историческій этюдъ.

ГЛАВА I.

Южныя славянскія общества до XIV вѣка.

Съ XIV вѣка начинается рядъ великихъ князей московскихъ, рядъ, завершившій въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ послѣдовательно и неуклонно объединеніе сѣверовосточныхъ славянъ въ одно плотное и сильное государство. До XIV столѣтія общественная жизнь славянскихъ, варяго-русскихъ княжествъ проявлялась лишь только преслѣдованіемъ сохраненія тѣхъ началъ, которыя легли при самомъ образованіи княжествъ, какъ самостоятельныхъ единицъ, а между тѣмъ эти начала, по самой природѣ своей, не могли да и не способны были выработать силы, достаточной для органическаго развитія государственныхъ элементовъ. Необходимъ былъ поворотъ къ болѣе жизненному началу, и этотъ поворотъ совершился развитіемъ Москвы, представительницы новаго направленія, и тяготѣніемъ къ ней, какъ къ центру. Изъ такого знаменательнаго положенія открывается особенная важность этого періода нашей исторіи.

Предварительно изложенія историческихъ событій первыхъ Московскихъ князей, необходимо бросить бѣглый взглядъ на предшествующее состояніе русскихъ княжествъ до XIV вѣка, т. е. до времени возвышенія Москвы.

Въ нашихъ лѣтописяхъ, хотя и скудныхъ извѣстіями о внутреннемъ бытѣ, имѣется однакожь достаточно данныхъ, изъ которыхъ можно получить понятіе объ организаціи древнихъ княжествъ. Славянскія племена, занимавшія территорію нынѣшней Россіи, состояли изъ отдѣльныхъ группъ, обладавшихъ необходимыми по ихъ потребностямъ поземельными участками, съ опредѣленными пунктами населенія ¹⁾. Эти то пункты, избранные по ихъ выгоде и удобствамъ, населенные болѣе густо, составляли такъ называемые города—*civitas* или *castrum*, которыхъ окружали земли (основной и главный источникъ существованія), вѣроятно въ неопредѣленномъ пространствѣ, такъ какъ въ землѣ въ тѣ времена недостатка не могло быть. Устроенные города, съ окружающими землями, составляли *волости* различныхъ племенъ «живяху каждо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ» ²⁾. Затѣмъ съ теченіемъ времени, съ размноженіемъ населеній, по естественному ходу явилась необходимость въ занятіи болѣе отдаленныхъ мѣстъ отъ первоначальнаго пункта города, мѣстъ, составившихъ собою особые поселенія: города второразрядные, пригороды, входившіе сначала въ составъ волости.

Управленіе волостью и вообще веденіе всѣхъ общественныхъ дѣлъ поселеній составляло право и обязанность всѣхъ

¹⁾ „Словѣни же ови пришедше и сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове; а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляховъ друзии Лютичѣ, или Мазовшане, или Поморяне. Также и тѣ же Словѣне пришедше сѣдоша по Днепру и нарекошася Поляне, а друзии Деревляне зане сѣдоша въ лѣсахъ; а друзии сѣдоша межи Припѣтью и Двиною и нарекошася Дреговичи; и инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчькы ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота... Словѣне же сѣдоша около озера Илмера и прозвашася своимъ именемъ и сѣлаша городъ и нарекоша и Новъ-городъ, а друзии же сѣдоша на Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и нарекошася Сѣвера“. Лѣтопись по Ипатскому списку изд. Арх. Ком. 1871 г. стр. 3 и 4.

²⁾ *ibid.* с. 5.

полноправныхъ членовъ волости, пользующихся самостоятельнымъ голосомъ. На основаніи этого права всѣ общественные вопросы обсуждались и рѣшались въ общемъ собраніи членовъ племени *на вѣчь* общимъ равнымъ голосованіемъ, съ исключеніемъ всякаго обязательнаго преимущества какого либо голоса,—*neminem ferant imperantem* по выраженію Императора Маврикія. Конечно при многочисленномъ составѣ вѣча, при полномъ отсутствіи всякой опредѣленности и порядка, при разнѣ племенныхъ нравовъ и обычаевъ («имяху бо обычая своя и законы отецъ своихъ и преданья каждо свой норовъ»)¹⁾ и при разнѣ единичныхъ интересовъ необходимо должны были возникать смуты и раздоры, какъ въ средѣ самого общества, такъ и въ отношеніяхъ поселеній между собою, и дѣйствительно «небѣ въ нихъ правды и вѣста родъ на родъ и быста въ нихъ усобицѣ» (Ип. лѣт. с. 11)). Такое безотрадное положеніе внутреннихъ безпорядковъ и усобицъ естественно породило мысль объ избраніи лица Князя, чуждаго ихъ эгоистическимъ интересамъ и потому болѣе способнаго къ установленію порядка. «Попщемъ себѣ Князя иже бѣ *володѣлъ нами и судилъ по праву*» (*ibid.*) рѣшить союзъ нѣсколькихъ племенъ, и рѣшеніе свое привелъ въ исполненіе приглашеніемъ къ себѣ Князей изъ варяжскаго рода.

Но призванные Князья и приближенные ихъ дружины не произвели никакой коренной реформы во внутренней организаціи славянскихъ обществъ, частью по малочисленности своей, частью по невысокой степени собственнаго гражданскаго развитія. Сама Скандинавія (Швеція, Норвегія и Данія) IX-го вѣка не имѣла опредѣленныхъ политическихъ началъ. Власть Конунговъ,—число которыхъ простиралось до 40,—была обширна, неопредѣленна и касалась преимущественно военнаго распорядка; дѣлами же внутренняго правленія, гражданскаго и религіознаго, завѣдывали народные сеймы. Не было опредѣленности и въ преемственности Конунговъ: нерѣдко умершему Конунгу наследовало лицо изъ совершенно другаго рода, нерѣдко изъ сыновей умершаго только одинъ получалъ на-

¹⁾ Ипав. лѣт. с. т.

слѣдственную власть, а прочіе дѣлались искателями приключеній, нерѣдко наконецъ власть Конунга раздѣлялась между сыновьями умершаго. По характеру области существовали различные Конунги: полевые (Filhis Konungar), лѣсные (Sweks Konungar), горные (Holmis Konungar) и морскіе (Seekonungar). Изъ этихъ Конунговъ только послѣдніе, по особому свойству промысла, пользовались властью болѣе значительною и болѣе опредѣленною взаимными договорами товарищества (föst brödranlang ¹⁾).

Слѣдовательно и наши Князья, выходцы варяжскаго сѣвера, могли явиться къ Славянамъ только въ качествѣ военачальниковъ, судей, охранителей порядка, но отнюдь не вводителемъ государственнаго устройства. При нихъ, точно также, какъ и прежде, разрѣшающая сила всѣхъ общественныхъ вопросовъ оставалась за вѣчемъ въ прежнемъ его составѣ и формѣ. Вѣче призывало и удаляло Князей, дѣлало съ ними рядъ, рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ, если только они не были личнымъ дѣломъ Князя и его дружины. ²⁾ Такимъ образомъ существовали вѣча въ продолженіи многихъ столѣтій во всѣхъ почти главныхъ пунктахъ населеній въ волостяхъ того времени: Кіевѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Бѣлгородѣ, Брянскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Владимірѣ Волынскомъ и Залѣскомъ, Торжкѣ, Твери, Ростовѣ, Костромѣ, Суздалѣ, Звенигородѣ и проч. Княжеское присутствіе не измѣнило къ лучшему сущности вещей. Если съ одной стороны дѣй-

¹⁾ Д а л и н а Шведская Исторія. II 142. Strinnholm, Wikingszuge I. 254—264.

²⁾ На самостоятельныя дѣйствія народа, относительно призыва и удаленія князей, въ лѣтописяхъ встрѣчаются весьма многочисленныя указанія. Такъ въ 1146 году Кіевляне, недовольные Игоремъ посылаютъ къ Изяславу „рекуще: поидемъ, княже, хотимъ тебе“. (П. С. Р. Л. I. 136), такъ въ 1150 году Кіевляне выгоняютъ Юрія, высказывая ему „поѣди, Княже, прочь (ibid. 141), такъ Ростовцы и Суздальцы „сдумавше вси, поиша Андрея (сына Юрія) и посадиша и въ Ростовѣ на отнемъ столѣ и въ Суздали (ibid. 149); въ 1175 году Владимірцы посадили у себя Князя Ярополка на столѣ во Св. Богородицѣ весь *порядъ* положише“, а затѣмъ въ слѣдующемъ году тѣже Владимірцы говорятъ Князьямъ Ростиславичамъ: „мы есмы вольные князя себѣ пріять“ (ibid 159) и ии. друг.

ствительно выиграло дѣло правосудія и полицейское охраненіе, то съ другой стороны явились новыя причины смуть въ столкновеніяхъ правъ Князей между собою, ихъ старѣйшинствъ в ихъ притязаній на володѣнье тою или другою волостью, какъ такихъ столкновений, къ которымъ населенія не могли относиться совершенно равнодушно уже вслѣдствіе однихъ своихъ личныхъ симпатій.

Государственного организма не было; не могъ онъ развиваться по отсутствію единого начала, проникающаго все общество, какъ одно цѣлое и нераздѣльное, стирающаго индивидуальныя интересы во имя общаго. Въ продолженіи многихъ столѣтій волости оставались все тѣми же одиночками, разрозненными единицами, хотя и одноплеменными, но не укрѣпленными не только въ отношеніяхъ другъ къ другу, но даже и въ самихъ себѣ, единствомъ духа. Контингентъ волости составляли: Князь, его дружина и народъ,—и всѣ эти элементы не сливались въ единую жизнь. Князь, составляя высшую ступень общественной іерархіи въ княжествѣ, не былъ продуктомъ этаго княжества; напротивъ, преслѣдуя свои личные интересы, онъ относился къ своему княжеству болѣе или менѣе благопріятно, но не жилъ его жизнью. Этимъ обстоятельствомъ объясняется обыкновенное явленіе въ нашемъ такъ называемомъ удѣльномъ періодѣ—легкость покиданія Княземъ своей волости, когда ему выпадала возможность завладѣть волостью болѣе выгодной. Происходя изъ одного рода, занимая и смѣняя столы по отношенію родственнаго старшинства, Князья заняты были исключительно своими личными счетами по старѣйшинству, хотя это послѣднее нисколько въ сущности не увеличивало значенія ихъ власти. Даже самый старшій изъ нихъ считавшійся старшимъ или Великимъ Княземъ, столъ котораго былъ въ старѣйшемъ изъ городовъ русскихъ—Кіевѣ, въ великомъ княжествѣ Кіевскомъ, не имѣлъ надъ прочими князьями почти никакого фактическаго преобладанія, кромѣ нравственнаго и родственнаго вліянія.

Второй элементъ—княжескую дружину—составляли приближенные къ Князю, чуждые остальному населенію и по происхожденію и по интересамъ, какъ это ясно обнаруживается

изъ записанныхъ лѣтописцами жалобъ народныхъ на дружину, изъ уговоровъ съ Князьями относительно обузданія ея своевольствъ. Впрочемъ, не всегда и не вся дружина относилась враждебно или индеферентно къ мѣстному населенію. Княжеская дружина раздѣлялась на старѣйшую и молодшую; первую составляли самые приближенные къ Князю, видѣвшіе въ немъ и свое отечество и все свое благосостояніе, вторую же составляли вновь поступающіе на службу къ Князю изъ мѣстныхъ жителей.

Третій элементъ (народъ),—раздѣлявшійся по промысламъ и занятіямъ на различныя группы: смердовъ, огнищанъ, житыхъ людей, гостей, лучшихъ людей и бояръ, составлялъ ядро свободного населенія съ обычнымъ характеромъ народной массы. Затѣмъ кромѣ свободного населенія существовали еще несвободный и полусвободный классы: въ первомъ холопы и челядины, во второмъ закупы и наймиты. Несвободный классъ, рабы, не участвовалъ въ народномъ собраніи, какъ неимѣвшій никакихъ гражданскихъ правъ (рабство не было въ характерѣ славянъ и вѣроятно въ первыя времена его составляли только военноплѣнные), но участвовалъ ли на вѣчѣ полусвободный классъ, объ этомъ, по сохранившимся источникамъ, положительно сказать невозможно; можно предполагать, что, неся повинности, онъ не могъ имѣть рѣшающаго вліянія и въ вопросахъ, устанавливающихъ эти повинности.

Безъ сознанія идеи единства, каждый изъ этихъ элементовъ, участвуя на вѣчѣ, способенъ былъ только преслѣдовать свои личные интересы и, слѣдовательно, быть источникомъ раздоровъ и внутреннихъ усобицъ. И дѣйствительно, смуты возникали то въ отношеніяхъ волостей между собою, то въ отношеніяхъ волости къ своему Князю, то отъ частной вражды Князей. Даже въ самомъ городѣ нерѣдко возставалъ одинъ конецъ города на другой, и споръ оканчивался побоищемъ. Яркое описаніе княжескихъ усобицъ находится въ поэтическомъ словѣ о полку Игоревѣ: «тогда земля сѣялась и росла усобицами, погибала жизнь... въ княжескихъ брамолахъ вѣкъ человѣческій сократился. Тогда по русской землѣ рѣдко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля между собою

трупы» и потомъ далѣе... «сказалъ братъ брату: это мое и это мое же, и за малое стали Князья говорить большое, начали сами на себя крамолу, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю русскую».

По вычисленіямъ покойнаго Погодина, отъ 1055 до 1228 г. встрѣчается 80 лѣтъ, въ которыхъ происходили усобицы, а изъ остальныхъ 93 лѣтъ должно исключить 45 значительныхъ нападеній Половцевъ и Литовцевъ. Слѣдовательно, изъ 173 лѣтъ можно считать мирными только 48 лѣтъ (междоусобныя войны. Временникъ Общ. Истор. и древ. Росс. № 2).

Принятая съ X вѣка христіанская религія хотя и пыталась смягчить суровость нравовъ, умиротворять возникавшіе споры, но ея вліяніе еще не могло быть особенно значительнымъ какъ потому, что первые наши Святители Церкви изъ грековъ не могли быть сочувственны народу, такъ и потому, что спасительное, умиряющее ученіе Христа еще не могло уже по краткости времени проникнуть въ глубину народной массы.

Къ довершенію такого печальнаго положенія, съ первой четверти XIII столѣтія новая бѣда обрушилась надъ русской землей въ видѣ сплошнаго, неотразимаго врага. Нашествіе монголовъ сожгло и залило кровью всѣ восточныя и южныя княжества, неспособныя, по разъединенности своей, противустоять наплыву. Монголы опустошили и раззорили Русь, но не произвели въ ся общественныхъ, внутреннихъ отношеній никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Побѣдители и побѣжденные всегда оставались враждебными: на столько несогласны были ихъ религія, нравы и обычаи, на столько оказалось невозможнымъ никакое нравственное единеніе между ними. Единственная перемѣна состояла въ подчиненіи Князей волѣ Хана, въ назначеніи послѣднимъ Князей и Великихъ Князей, однимъ словомъ въ низведеніи князей на ступень монгольскихъ улусниковъ, но при этомъ однакожъ необходимо замѣтить, что при назначеніяхъ въ княжеское достоинство Ханы почти всегда руководствовались правами, признаваемыми самими русскими. Монголы смотрѣли на русскія княжества, какъ на средство обогащенія, требовали дани, собирали полонъ и затѣмъ

уже вовсе не касался внутреннего распорядка. По всей вѣроятности дань, наложенная ордою, была значительна, но точный, положительный размѣръ ¹⁾ ея неизвѣстенъ. По описанію Plano-Karpini, миссіонера, проѣзжавшаго чрезъ Россію въ 1246 году, татары требовали десятины, какъ отъ людей, такъ и отъ имущества. Отсчитывали десять и брали одного. Затѣмъ остальное населеніе, по перепискѣ, облагалось данью, обязательною къ платежу для всякаго, богатаго и бѣднаго, большого и малаго, даже для однодневнаго младенца. Дань того времени платилась преимущественно мѣхами медвѣдей, бобровъ, соболей, хорьковъ и лисицъ, а впослѣдствіи — серебромъ. Несостоятельныхъ плательщиковъ дѣлали рабами и уводили въ орду. Сборъ дани, какъ и вообще управленіе, ввѣрялось баскакамъ или басхатамъ, которымъ повиновалось все населеніе, не исключая и самихъ Князей. Тяжесть дани еще болѣе усиливалась отъ безчеловѣчныхъ способовъ взиманія и отъ злоупотребленій баскаковъ или ханскихъ пословъ, видѣвшихъ въ этомъ средство къ личному обогащенію.

При такомъ положеніи, политическое значеніе княжествъ не могло развиваться и крѣпнуть, напротивъ того, съ истощеніемъ матеріальныхъ средствъ и при существованіи прежней розни, оно должно было все болѣе и болѣе умалиться до тѣхъ поръ, пока новыя политическія явленія не создали бы новаго порядка, укрѣпившаго преобладаніе одного элемента, какъ центра, около котораго должно было бы сгруппироваться національное дѣло. Но возникновеніе и развитіе новой политической силы не могло произойти на старой почвѣ, слишкомъ пропитанной старыми воззрѣніями на взаимныя отношенія. Новая сила требовала и новой почвы, и этой почвой явилась Москва, сначала, какъ простое поселеніе и потомъ, какъ самостоятельное княжество въ сѣверо-восточной Русѣ, въ мѣстности населеній Мери, Муромы и Вятчей.

До половины XII вѣка всѣ политическія движенія сосредоточивались исключительно въ южныхъ и западныхъ русскихъ княжескихъ волостяхъ. Сѣверовостокъ, оставаясь въ

¹⁾ Собран. путеш. къ татарамъ 1825 стр. 105.

этихъ движеній, не переживалъ разорительной неурядицы, не выносилъ на себѣ вліянія спутанныхъ княжескихъ отношеній. Въ противоположность скученному южному населенію, живому и постоянно занятому общественными вопросами, малолюдное сѣверовосточное населеніе Суздальской области, хотя и имѣло свои сосредоточенные пункты, города — Суздаль, Ростовъ, Владиміръ и друг., но вообще, раскинутое на обширныхъ земельныхъ пространствахъ, жило уединенно, сдержанно само въ себѣ, спокойно пользовалось естественными произведеніями, уплачивая наложенныя на него повинности южными Князьями. Удаленное отъ торговыхъ путей того времени, оно не раздѣляло и жизненныхъ интересовъ своихъ южныхъ собратьевъ.

Около половины XII вѣка Суздальская область сдѣлалась столомъ Юрія Владиміровича Долгорукаго, одного изъ младшихъ сыновей Великаго Князя Мономаха. Новый Суздальскій Князь, несмотря на всѣ благопріятныя условія для расширенія княжеской власти въ этомъ отдаленномъ краю, не любилъ впрочемъ свой столъ, постоянно стремился къ родному югу и, когда по старшинству въ родѣ ему досталась очередь быть кіевскимъ Великимъ Княземъ, онъ, безъ колебанія, бросилъ свой столъ. За то его сынъ, уже рожденный и воспитанный на сѣверѣ, Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, наоборотъ предпочиталъ свой сѣверъ югу и, когда въ свою очередь сдѣлался старшимъ Великимъ Княземъ, остался на сѣверѣ, съ образованіемъ новаго великаго княжества Владимірскаго, по имени столичнаго города Владиміра, прежняго пригорода Суздаля. И съ этихъ поръ, съ образованіемъ новаго великаго княжества Владимірскаго, центръ тяжести политическихъ движеній перенесся на сѣверъ. Разоренный югъ, не выработавъ жизненнаго начала, способнаго привести къ единству разрозненные элементы, не имѣлъ будущности, и политическое значеніе Кіева, послѣ татарскаго разгрома (1240 г.) и перенесенія Митрополіи во Владиміръ, все болѣе и болѣе умалялось до половины XIV столѣтія, когда Кіевъ окончательно уже сдѣлался добычей литовскихъ князей.

Г Л А В А II.

Сѣверовосточныя волости. Москва — какъ поселеніе и стольный городъ до XIV столѣтія.

Старые сѣверовосточные города—Суздаль, Ростовъ и потомъ Владиміръ, выросшіе въ иныхъ мѣстныхъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе скроились по общему типу старыхъ южныхъ городовъ, хотя и безъ ихъ рѣзкихъ опредѣленныхъ чертъ. И въ этихъ городахъ существовало вѣче, но оно не ограничивало власти Князя въ томъ размѣрѣ, какъ на югѣ, и въ лѣтописяхъ почти не встрѣчается упоминаній о рядѣ вѣча съ Княземъ, при вступленіи его на столъ. А если не было такихъ ограниченій въ старыхъ сѣверовосточныхъ городахъ, то тѣмъ болѣе ихъ не могло быть въ поселеніяхъ и пригородахъ новыхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ Москва.

Когда именно основана была Москва—неизвѣстно; вѣроятно, какъ незначительное поселеніе Владимірской волости, она долго не обращала на себя особаго вниманія. Впоследствии уже, когда Москва пріобрѣла важное значеніе, лѣтописцы стали раскрашивать основаніе ея различными вымыслами, ясно выдающими свою поэтическую вольность при первомъ внимательномъ взглядѣ. Болѣе вѣроятный рассказъ объ основаніи Москвы находится въ лѣтописи о зачатѣ царствующаго великаго града Москвы: „Въ лѣто 6666 (1158) Великому князю Юрью грядущу изъ Кіева во Владиміръ къ сыну своему Андрею, прииде на мѣсто, иде же нынѣ царствующій градъ Москва, обополы Москвы рѣки. Сими же селы владѣюще тогда Болярину нѣкоему, богату сущу, именемъ Кучку Иванову; той Кучко возгордѣвся зѣло и не почте великаго Князя и поносивъ ему. Князь же великій не стерпя хулы, повелѣ болярина того смерти предати; сыны же его видѣвъ млады суща и лѣпы зѣло именемъ Петръ и Іоакимъ и дщерь едину благообразну именемъ Улиту, отсла во Владиміръ ко Андрею. Самъ же взыде на гору и обозрѣ очима своими сѣмо и овамо по обѣ страны Москвы рѣки и за Неглинною, возлюбн села оныя, и повелѣваетъ вскорѣ содѣлати малъ